

Александр Михайлович Родионов (1945–2013), писатель, знаток истории Сибири, общественный деятель, защитник русской культуры на Алтае

Дневники. Правило белого камешка

В мае 1969 года Александр Родионов выходит из стен Томского политехнического института с дипломом геолога. Радость омрачена расстроенной семейной жизнью.

Молодых супругов по их настоянию распределяют в разные концы Кемеровской области. Елизавета с дочерью едет в Елань, Александр — в Тисуль.

А хочется выпускнику Родионову в Среднюю Азию. С просьбой о помощи он обращается к Леониду Агееву, поэту и геологу. Старший товарищ отвечает в письме: «Жаль, что ничего у нас не вышло с твоим перераспределением... Но путь, который я тебе объяснил в письме, пожалуй, единственный. Ты им не пренебрегай хотя бы на будущее: отработав по распределению 2 или 3 года, ты

вполне можешь списаться со Средней Азией и махануть туда. ... А насчет стихов — какой может быть разговор! Конечно, присылай, рад буду почитать и помочь, чем смогу»¹.

Восточная экзотика пришлась по душе Родионову во время летней студенческой экспедиции, а, кроме того, и работа где-нибудь в Узбекистане, к примеру, кажется молодому специалисту более интересной и перспективной. В глубине души таится надежда стать первооткрывателем месторождения редких металлов; чутье поисковика его не обманывает, действительно, все крупные урановые залежи открыты в советские годы в юго-восточных республиках СССР. Азия влечет еще и потому, что просто хочется уехать и обнаружить себя за тысячи километров совсем другим человеком — умным, добрым, образцовым, — каким искренне стремился стать.

В конце августа Родионов зачислен в состав Мартайгинской полевой геолого-разведочной экспедиции ответственным геологом по массовым поискам. Замкнутый и мрачный, разочарованный в себе, отправляется он в таежный угол. Забывается в тисульскую нору, дабы разобраться с самим собой, вытряхнуть тяжелое нутро на страницы дневника.

«Крещение, 1970.

Теперь уже можно с уверенностью сказать, что подчинить себя себе нет силы. Теперь вопрос стоит так: как долго смогут ужиться два начала? Кто-то должен победить — зверь или человек.

21 января.

Это похоже на состояние тайного горба. Никто не знает и не видит, что ты горбат душой.

1 февраля.

Что окажется дороже? Свобода двадцатипятилетнего оболтуса или благодарный взгляд дочери?

21 марта.

Самое плохое в том, что я уже не повинуюсь себе. Время подарило взлет, время и отняло его. Осталось только состояние того, что все временно, преходяще, и по-настоящему радостно смотреть на сегодняшнюю дымку я уже не могу...

¹ Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Р-1696. О. 1. Д. 120. Л. 1.

Беда, беда.

Но никто не должен знать о медленной смерти»².

Родионову не исполнилось и двадцати пяти, когда он поставил себе суровый диагноз. В записях недуг не называется напрямую, а обозначается иносказательно: тайный горб, горбатая душа, медленная смерть. Порой беда проступает на страницах дневника в подсчете утраченных дней. Родионов растерян. Он, умный и здравый человек, не в состоянии усмирить в себе другого — агрессивного, прущего наружу под действием алкоголя.

Со своей бедой Родионов боролся всю жизнь с переменным успехом. Будут испробованы все способы: и бабки-шептальки с заговорами, и все известные медицинские схемы, и самое обычное обращение к силе воли. Бороться с болезнью будут помогать и мама, и жены, и друзья. Сохранились тетрадки матери, Татьяны Леонтьевны, с конспектами антиалкогольных лекций (их читали по радио), эти листочки она подсовывала сыну.

Родионову удается отвоевывать у болезни куски жизни — месяцы и годы. Благодатные периоды он подчиняет жесткой дисциплине: архив, библиотека, письменный стол — «верстак» в его лексиконе. После поражений с удесятенной энергией набрасывается на работу.

Родионов не разрешал друзьям, да и близким не всегда, разговаривать с ним на болезненную тему. Обрывал: «Падаю — умею подниматься». Однако случались редкие откровения, нечаянные прорывы утаенных переживаний. Зачем-то довелось быть их свидетелем, и потому с полным основанием утверждаю: никто сильнее не стыдился обезображенного лица своего, чем сам Родионов. «Тайный горб» он ненавидел, но избавиться от него не мог. И, конечно, никто не страдал от «состояния зверя» больше, чем близкие, семья; сколько хватало сил, они мирились с двуликостью родного человека.

В ранних дневниках периоды падения он помечает словом «аут», в поздних — перечеркивает пустые страницы латинской буквой «Z». Зеро. Знак сигнализирует: нуль, ничто, никто, ничтожество.

² ГААК. Р-1696. О. 1. Д. 123. Л. 5, 14.

Сам факт существования дневников Родионова стал неожиданностью. В 2011 году Александр Михайлович с большим интересом, даже восторгом встретил публикацию дневниковых записей своего друга, поэта Владимира Башунова в журнале «Культура Алтайского края». Сразу по прочтении сказал: «У меня таких дневников нет». В тот момент реплика прочиталась как факт полного отсутствия тайных тетрадок, и не ждите, мол, и не ищите: весь я на поверхности таков как есть. Теперь ясно: писатель акцентировал слово «таких» — хотел подчеркнуть разницу в содержании его записей и друга.

Владимир Мефодьевич Башунов исповедуется дневнику всю жизнь, и в зрелые годы доходит в заметках до ёмких жизненных и литературных формул, философских изречений. Вот для примера: «Привязанность к отдельным словам обнаруживает, открывает, выговаривает душевный темперамент человека — в данном случае поэта». «Наши церкви ниже ростом американских небоскребов, но в них больше небесного, сильнее ощущение небесного, не говоря уж о душе. А те точно: небо скребут, обдирают». «В русской поэзии есть отзвук на все, на всякое сердечное движение. Поэтому в ней можно найти утешение душевному разладу, даже оправдание своим недостаткам». «Что необходимо, то возможно. Поэтому возрождение России, возрождение человеческой жизни через обретение Бога и веры — возможно?» «Способность писать это не способность писать в рифму, но способность чувствовать и понимать жизнь».

Александр Михайлович прекратит исповедальный опыт в 1982 году, в 37 лет. Блокноты будет вести по-прежнему, но характер записей в них кардинально изменится. В тетрадках не станет откровений, будто кто-то внезапно перекроет особый клапан и навсегда запретит подспудному изливаться на чистые страницы. С годами изменится даже форма записных книжек. Вместо добротных пикетажных книг, которые выдавались геологам, блокнотов с усиленными, почти фанерными, корочками, обстоятельных общих тетрадей Родионов использует узкие горизонтальные планинги на спирали. В отличие от привычного ежедневника, вы-

полненного в формате книги, планинг отводит на каждый день не страницу, а узкую колонку из двадцати трех строчек. Экономная организация писчего пространства подразумевает предельно короткие записи — одно-два сигнальных слова. Поздние дневники Родионова являют спрессованную модель дня, собранную из часов, фамилий, и приказов самому себе, связанных с творческой работой. Матрица.

Много общего имеют юношеские тетрадки Родионова и Башунова, они подобны друг другу, как все без исключения дневники молодых людей и начинающих поэтов. Страницы пестрят цитатами великих и высказываниями знаменитых современников. В плотные слитки сбиты первые строчки собственных стихов, отправленных в литературные журналы, рядом пометки: «напечатано» или «по passaran». Сюда же, на заповедные страницы, заносятся жизненные наблюдения и внезапно вспыхнувшие поэтические образы — упаси бог потерять.

Не знаем, что имел в виду Александр Михайлович, говоря, что нет у него *таких* дневников, как у Владимира Мефодьевича. Боялся уступить в извечном писательском соперничестве? Напрасно.

Родионовские пикетажки читаются с острым интересом. Изучение записей превращается в общение с автором, и, как ни странно, напоминает первое знакомство, нужно заметить, очень приятное, притягательное. Удивителен молодой Родионов — мы такого не знали. Время за дневниковыми страницами бежит быстрее, чем хотелось бы, кажется, что архив заканчивает работу возмутительно рано. Так бывало и в родионовском доме на улице Пушкина в Барнауле: уже и за окном стемнеет, а разговоры не переговорены, до точки в теме далеко.

Дневниковые записи Родионова экспрессивны и прямодушны. Что, впрочем, понятно: зачем человеку манерничать с самим собой? Другое удивляет: он отдал их в архив. Следовательно, не побоялся довериться современникам и потомкам, открыться целиком перед близкими и дальними. Видится в этом шаге — от сокровенного к публичному — попытка объяснить себя, уже оттуда, из небытия, чтобы быть здесь понятым и прощенным. Знал: рано или поздно прочитают. И хотел этого.

Дневники, возможно, — лучшая творческая работа, выполненная Родионовым в 1970 годы.

Первая дневниковая тетрадь Александра Родионова датирована 1969 годом, начата в Тисуле. Читая ее, мы видим молодого бородатого рыжего человека, в кирзачах, штормовке, с геологическим молотком в руке. В его рюкзаке — томик Макса Волошина и две пикетажные книжки. Одна — рабочая, для геологических записей, другая — личная, под дневник и литературные опыты. На осенних таежных тропах он иногда делает привал, чтобы занести в геологический талмуд наблюдения на местности, и черкнуть в дневник строчку-другую.

На специальных вставках с миллиметровой сеткой появляются топографические отметины, а на белых листах — пространные пейзажи или зарисовки интересных предметов, обнаруженных на пути следования, вроде скребка древнего человека или наколочников стрел. Геолог — он и художник.

Тисульская зима 1969–1970 годов проходит под знаком трудов и самобичевания. С утра — камеральный труд, расшифровка геологической информации, вечерами — сражение с рифмой, затворничество с дневником. Пишет без пропусков, еженощно.

Вот январская ночь без сна, с 26-го на 27-е. Тема та же — «тайный горб» — но выписана в столбик. Таежный затворник выводит первую строчку: «К тридцати годам накуролесив...»³. Далее лирический герой, свесив похмельную голову, слушает сопение старого чайника на плитке, вспоминает дочь и искренне хочет начать жить иначе.

День начать свой новый без оплошки,
Позабыть про боль былых утрат,
Что ж ты задержался у окошка
С сигаретой горькой до утра?

Доводить до печатного варианта безотрадный эскиз не стал, бросил. В черновиках отвалы пустой породы обильны. Но все же

³ ГААК. Р-1696. О. 1. Д. 123. Л. 10.

случилось Александру в августе — сентябре 1969 года напасть (воспользуемся геологическим словарем) на жилу рабочей мощности. Несколько крепких стихотворений выживут и через шесть лет войдут в его первую книгу. А пока им отдает полполосы газета томских политехников «За кадры» от 25 октября 1969 года. Поэтическую подборку под заголовком «Из цикла «Осенние листья» сопровождает слово редакции: «Александр Родионов, чьи стихи мы печатаем сегодня, известен многим нашим читателям. В прошлом году он окончил геолого-разведочный факультет ТПИ. Сейчас он работает инженером-геофизиком в п. Тисуль Кемеровской области. Редакция часто получает от него письма. Саня пишет, что очень скучает об институте, просит сообщать, что нового в ТПИ, как живут, над чем работают друзья-литобъединенцы. Публикуя его новые строки из осеннего цикла, мы говорим: «Не тоскуй, Саня! Успехов тебе и радостей на работе! Полезной тебе руды!»

Достаточно и первых строк, чтобы уловить настроение автора: «Мне сегодня нужен собеседник...», «В ту пору отчужденья долгого...», «Закатился тускнеющий шар...». Автор печалится, познает себя и осмысливает будущее.

Лучшим в подборке представляется вот это:

Две недели подряд я живу в конюховке,
за стеною лошадки травкою хрустят...
Выйду ночью, поглажу гнедого по холке,
сено в ясли подброшу, и снова назад.
Ни о чем не грущу. Плащ повешу за дверью,
он рекою, и ветром, и пылью пропах,
я сегодня почти два десятка отмерил
километров,
теперь вот курю на дровах,
на березовых чурках у печки железной.
Печь малиновым боком маячит, искрясь.
Я не вижу занятия — на ночь полезней,
чем в печурку смотреть да покуривать всласть.
И летят под стропила полночной конюшни
треск поленьев и мерное хрупанье трав.

Хорошо жить вот так —
у судьбы не канюча
никаких разособенных прав...

В «Конюховке» — отступление от звездности, которую он все же подхватил в студенческие годы. Родионову показалось, что успех на институтской сцене, известность в многотысячном вузе, знакомство, дружба и переписка с признанными поэтами свидетельствуют о его исключительности, избранности. Здесь же, у печурки в «полночной конюшне», — примирение с бытием, отрадное слияние с природой, осознание равенности себя и всех.

Он еще будет биться с вопросами избранности на страницах дневника. Для поиска ответов выберет верный путь — чтение Библии: «14–15 октября 1970. «Перед богом все равны», — сказано. Но — сказано же — Избранник божий, перст бога на него указал. Хм... Какая-то несуразица. Значит, не все равны, то есть не умеют жить так, чтобы перст божий указал на всех»⁴.

Как бы то ни было, главное правило для себя он теперь вывел: «никаких разособенных прав».

Дневники Родионова замечательны тем, что в них дышит благодатная сила молодости — нет ничего невозможного в начале жизни. На смену испугу и смятению, в которые его ввергла бесприязность собственного подсознательного, приходит вера в себя.

Начало 1970-х — сплошь попытка меняться, совершенствоваться: не сметь любоваться собой, отрицать себя, не допускать пустых часов, расслабленной болтовни, владеть собой. Цель — вира на-гора! Он пытается взнудать свой нор, выковать для него нравственный канон, который поможет жить и творить. Работу по выведению или — говорю с улыбкой — селекции новых качеств характера фиксируют дневники.

«Вчерашний день отмечен белым камешком, — записывает 9 июля 1970 года. — *Abbo lapillo diem notare*. Перебирая, отмывая из рухляди дня что-нибудь стоящее, с ужасом отмечаешь, что лоток пуст, все легкое уплыло с водой. Значит, не искал в этот день,

⁴ ГААК. Р-1696. О. 1. Д.123. Л. 68.

а просто существовал. Вот тебе и ни дня без белого камешка. *Nulla dies sine alba lapilla*»⁵.

Правило белого камешка останется с ним до конца.

Одну из ранних дневниковых тетрадей открывает цитата из книги «Воспитание воли» французского педагога Жюля Пэйю: «Для воспитания воли необходимо распинать себя по мелочам»⁶. Написано красиво, разборчиво. Строки подчеркнуты, и не иначе взяты эпиграфом к жизни.

Все девять месяцев, что живет в Тисуле, с августа по май, он не сет себя по кочкам, хаёт нещадно, выворачивает запущенный испод, и бьет, и чистит, и скребет его до изнеможения.

Распинает и характер неангельский, и творческие опыты свои. «Это абортыш, а не стих»⁷, — гневается на безжизненные строки. После девятнадцати страниц, исписанных стихами Бальмонта и Волошина, выносит себе приговор: «И ни слова о поэзии больше. До дней уверенности, что ты имеешь право говорить о ней»⁸.

Получив профессию геолога и работая уже в ней, Родионов твердо решает стать поэтом. Он делает ставку на самообразование и настырные пробы пера. В дневниках почти нет геологии, зато с лихвой, плотно, в каждой строчке — литературные темы. Он составляет огромные, на несколько страниц, списки книг, с указанием издательства, тиража, цены. Все это будет прочитано.

Собираясь в поле, Родионов первым делом набивает книжками и блокнотами непромокаемый геологический вьючник.

Как-то довелось ему заехать на несколько дней в геологический лагерь к Петру Падерину, младшему однокашнику по факультету. Предложил другу построить отдельную землянку — зачем в вагончике мерзнуть? Вместе они долбили камень, укладывали ря-

⁵ ГААК. Р-1696. О. 1. Д. 123. Л. 47, 48.

⁶ Там же. О. 1. Д. 124. Л. 2.

⁷ Там же. О. 1. Д. 123. Л. 76/о.

⁸ Там же. О. 1. Д. 123. Л. 26.

дами бревна, возводили крышу — получилась отличная камералка. В первую же свободную минуту, когда можно было прилечь на нары и ничего не делать, Родионов спросил:

— Ну, где у тебя книги лежат? Все осмотрел, не нашел.

— У меня нет их, не беру с собой.

Родионов помолчал в растерянности, вымолвил:

— Так же с ума можно сойти.

Он представить не мог, что люди идут в тайгу без книг, а выючник используют для хранения теплых вещей.

В студенческие годы Александр купил на всю стипендию четырехтомник Даля. Домой, к Лизавете и Вероне, шел счастливый. Лиза онемела (да любая бы на ее месте дар речи потеряла) — до следующей стипендии целый месяц! Справедливости ради нужно сказать, что молодой отец подрабатывал на институтской кафедре лаборантом, так что какие-то денежки держал про запас.

Родионов, страстный библиофил, трепещет перед книгами, за редкими — гоняется. В советское время, когда книга — лучший подарок и дефицитный товар одновременно, к дверям магазинов «Подписные издания» выстраиваются длинные очереди, голова — в узком магазинном коридорчике, хвост — на улице. Книголюбы добровольно рассчитываются, записывают на ладонях присвоенный порядковый номер, дабы, если придется отлучиться, не потерять место в тесном ряду библиоманов. В те благословенные времена всеобщей жажды знаний книги не покупают, а достают, выменивают, приобретают на толкучке и «зачитывают». Добыча приносит неописуемую радость, о которой не грех сообщить дневнику, что и делает Родионов: «Завтра у меня будет 4 тома Фасмера!» Прекрасное приобретение, заслуживающее восклицательного знака.

Книжную страсть сына разделяет мама, Татьяна Леонтьевна. И ей случается на редкий томик состояние спустить. В письме к Саше с юга, из санатория, она пишет: «В дороге читала книгу «Очерки о земледельцах», очень понравилась, большое тебе спасибо, много познавательного. Заходила здесь в книжный магазин, посмотрела старую книгу, есть Екатерина II, наверно, возьму. Напиши, что посмотреть надо из книг».

Стопки книг мать отправляет сыну-геологу по почте, а тот обязательно фиксирует событие в дневнике: «Ночь. Из дома прислали книги. Смотрел сытым идиотом на корешки»⁹.

В тисульском сидении Родионов придумывает правила не только для неустойчивых недр природы, но и для своего литературного дела, издает что-то вроде указа: «За поэтом, как за балероном, должен следовать прожектор критики, иначе он останется в полумраке сцены»¹⁰.

И сам лезет под софиты, предлагая литературным знакомцам честно высказываться по поводу его сочинений. Раз просит, то и получает.

«28 октября, 1970. Получил письмо от Соловья. ... Впрочем, а почему бы и нет. Почему бы не получить зуботычину из Кемеровского КИ (*книжного издательства — Л. В.*). Но последние твои стихи, по мнению Соловья, холодные туристско-многозначительные опусы»¹¹.

Не заставляют ждать пламенные приветы от Вадима Кнеша, брата по поэтическому Томску, а теперь львовского поэта. «Кнеш говорил о стихах, что нет каркаса, вывески, нет характера. Очевидно, он прав где-то в частностях и, может быть, вообще»¹². Еще одно «письмо от Кнеша с ушатом по поводу виршей. Самообольщение не лучший вариант слепоты»¹³.

Самые жестокие розги Родионов выписывает себе сам: «Несколько гнилых свай, на которых держится твое тщеславие, должны быть сожжены на собственном огне. Не следует ожидать, когда это сделают другие»¹⁴.

И еще о себе: «Зажирел мозг». «В твоём мышлении не самостоятельность, а общие места... где?» «Заметил, что при разговоре с незнакомыми людьми я больше рассказываю, чем слушаю и спрашиваю. Это пахнет кичливостью, крохами знания. Слушать надо и спрашивать»¹⁵.

⁹ ГААК. Р-1696. О. 1. Д. 134. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Д. 123. Л. 74.

¹² Там же. Д. 135. Л. 44.

¹³ Там же. Д. 134. Л. 86.

¹⁴ Там же. Л. 17.

¹⁵ Там же. Д. 135. Л. 52.

Наблюдая болезненное отношение к критике писателей нынешних лет (вплоть до возгласов: что я вам сделал плохого?), невольно приходится задаваться вопросом: Родионов из другого теста? Критика ему нипочем? Так крепка броня?

Нет, он, как все. И больно, и обидно. Но вида не подает, а внутреннюю истерзанность доверяет дневнику.

«20 октября 1970. Елань. Все, что написано до сегодня, написано не для себя, а с тщеславной надеждой на (неожиданного) читателя, на самом деле очень ожидаемого. <...> Ты пишешь в надежде, что кто-то прикоснется. В то же время трусишь, что прикоснется не тот...

Но отдавать все это на уничтожение либо на усмешку не в моих теперешних правилах. Здесь есть доля меня»¹⁶.

Стрелы критиков долетают, ранят. Он терпит, разбирается с промахами, ибо поставлена цель — состояться в литературе, войти под ее своды с девизом: «Никто, кроме меня». И пусть дело дойдет до нокаута! Значит, слаб, плохо подготовлен. Поднимайся, и снова трудись. Возвышайся. В этом — весь Родионов.

Александр не просто прочитывает рецензии на свои рукописи, а работает с ними по пунктам. Согласен с упреком — напротив абзаца ставит значок плюса, не согласен — знак вопроса.

Постоянное самобичевание (и в быту, и в литературе), изведение скрытых червоточин, подчинение себя дисциплине и правилам сыграли не последнюю роль в возвращении Александра в семью.

В конце мая 1970 года, предварительно посетив Седьмой день поэзии в Томске («где остался в своем тщеславно-пьяном амплу», — дневник контролирует), он переезжает в геологический поселок Елань, к Лизавете и Вероне.

«Сегодня Елань, — пишет в ночь с 21 на 22 мая. — Красивое слово. Дитячьи следы. Играют под управлением Л. Стоковского из «Самсона и Далилы». Очень восточно звучит». Итак, «возвращается ветер на круги своя»¹⁷.

¹⁶ ГААК. Р-1696. О. 1. Д. 123. Л. 71.

¹⁷ Там же. Л. 33.